

Вечерний Николаев

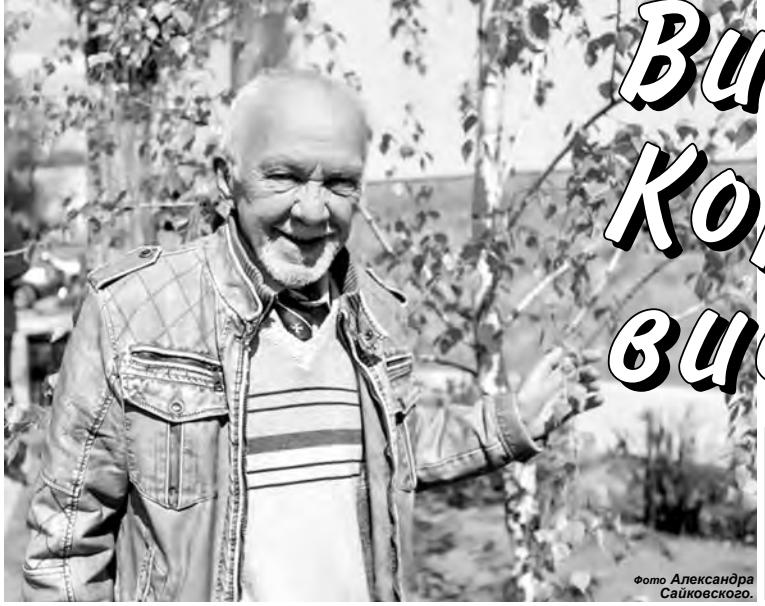
ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

www.v-n.mk.ua

№ 59 (4263)

Четверг, 1 августа 2019 г.

Макет, верстка: А. Троинов Корректор: Н. Пономарев

Виват, Король, виват!

фото Александра Сайковского.

ВЛАДИМИР ПУЧКОВ БИОГРАФИЯ

Владимир Юрьевич Пучков - поэт, журналист, переводчик. Главный редактор газеты «Вечерний Николаев». Заслуженный журналист Украины (1999). Родился 15 марта 1950 года в г. Славянске Донецкой области. Родиной своей считает Николаевщину, куда семья переехала в 1952 году. Окончил филологический факультет Николаевского государственного педагогического института (1970) и отделение журналистики Высшей партийной школы в Киеве (1980).

Преподавал в николаевской школе, работал в комитете, с 1976 года - член Союза журналистов Украины. С 1987 - член Национального Союза писателей Украины. Журналистский путь начал в редакции николаевской областной молодежной газеты «Ленинские пламя» в 1984-1994 был заведующим отделом культуры и заместителем главного редактора областной газеты «Южная правда». С 1994 года - главный редактор городской газеты «Вечерний Николаев». Основал первую в Николаеве детскую газету «Малек» (1995-2005).

Как поэт начал публиковаться в конце 80-х годов. Первая книга стихов «Азбука музыки» вышла в 1984-м в киевском издательстве «Молодь». Автор поэтических сборников «Парусный цех», «Видимо-невидимо», «Вечерний чай», «Штрафная роща», «На стыке моря и лимана», «Год Бычка».

Перевел на русский язык стихи украинских поэтов д. Павлыко, П. Осадчука, П. Мочанова, М. Лукши, Д. Кремши и др. Стихи и переводы В. Пучкова опубликованы в виде антологий, коллективных сборников, альманахов, журналов «Юность», «Радуга», «Дружба народов», «Нінто», «Шо», «Креатив» (Германия), «Новый берег» (Бельгия), «Континент» (США) и др. В 2008 вышла книга взаимопереводов В.Пучкова и д. Кремши «Два берега»-«Две берега»-«Two Banks».

Автор текстов к фотоальбомам о Николаеве и Николаевской области, предисловий к коллективным сборникам стихов и к книгам николаевских поэтов. Стихи поэта переведены на украинский, английский, сербский, китайский и другие языки.

Позиция В. Пучкова отличается тематическим разнообразием, образностью, метафоричностью, щатальной языковой выверенностью. Новизна, рифмовки, ассоциативность, точные эпитеты, тяга к эпосу - характерные особенности его творчества. Позиция В. Пучкова проникнута любовью к южноукраинскому причерноморскому краю. В его стихах живут николаевские реалии: улики, скверы, парки. Его манят здесь «акации южного акцента», «звезда за Терновкой», «всплытия шлюпок», «лиманская глубокая сны». В ранней поэме «Азбука музыки», которая отмечена чертами автобиографичности и дала название первому сборнику, лирический герой формулирует тезис, который стал определяющим для творчества В. Пучкова: «Нам были важны арифметика, уроки добра и любви».

Уроки добра и любви на протяжении многих лет несут членам все его книги. В 2005 году за книгу стихов «Штрафная роща» удостоен Всеукраинской литературной премии им. Николая Ушакова. В 2008 году награжден Дипломом лауреата VI Международного конкурса им. М. Волошинова в Конкетебе. В 2009 году за сборник стихов и поэм «На стыке моря и лимана» удостоен премии «Платан» поэта. Леонида Вышеславского. В 2009 г. завоевал титул «Короля поэтов» на Всеукраинском турнире русских поэтов Украины «Луцкая осень в Одессе». В 2010 году награжден золотой медалью американского Фонда «Андерсон Хаус» за лучшую поэтическую книгу. В 2010 году удостоен Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских.

Для поэтов естественная активная гражданская позиция. В.Ю. Пучков был депутатом Центрального райсовета и горсовета двух созывов. Входит в состав оргкомитета общегородской программы «Боржанин года - Человек года» со дня основания программы. Глаша правления благотворительного фонда «Николаев-2000». Один из инициаторов проведения и председатель жюри открытого ежегодного Всеукраинского поэтического фестиваля «Ветерники» (2011-2012). Член редколлегии николаевского литературно-художественного журнала «Сборная улица».

(Информация сайта Центральной библиотеки им. Марка Кропивницкого).

В КАЖДОЙ СТРОЧКЕ - ЖИЗНЬ

Этот номер целиком посвящён памяти Владимира Юрьевича Пучкова, большого гражданина, поэта, публициста, сумевшего за 25 лет руководства редакцией газеты «Вечерний Николаев» создать и сохранить культурный код нашего города. Отывы, воспоминания, интервью и, конечно, стихи. Все, что не вошло в этот выпуск «Вечерки», увидит свет в будущем, ведь впереди еще будет немало поводов вспомнить об этом прекрасном человеке.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПУЧКОВА

Не верится. Просто не верится, что нет больше среди нас этого человека. Мудрого, взвешенного, умного, интеллигентного и очень талантливого, Талантливого во всем. И это подтверждала звезда и награды Владимира Пучкова. Но больше и важнее этого были признания и любовь читателя. Мне всегда был интересен его взгляд на жизнь городской общины. Владимир Юрьевич умел тонко и деликатно оценивать происходящее. Знал по-настоящему, чем живет Николаев, чем он дышит, что волнует родной город. Даже короткая беседа с ним становилась своеобразным уроком любви к своей земле, примером того, как нужно о ней заботиться. К сожалению, этих уроков больше не будет. Но остается его строки, адресованные каждому из нас, с завещанием любить Николаев и жизнь. Мы будем помнить. Мы будем достойными этой памяти.

Александр Сенявин,
Николаевский городской голова.

Первое, что я бы о нем сказал — это человек-мудрец. Захожу к нему в кабинет: он рядом с компьютером. Вот компьютер и Пучков — это вообще неоднозначные вещи. И сколько раз мы с ним обсуждали разные ситуации, жизненные и социальные и какие угодно — меня поражала его такая рассудительность, мудрость и взвешенность. Вообще человек такой доброй души — вы знаете, рядом ходит человек и не знаешь, какие качества общечеловеческие он имеет. Кто-то сказал в социальных сетях, что Владимир Пучков был хранителем городского кода интеллигентности, любви к городу, порядочности, скромности. Читаем стихи его и видим, какие замечательные и какие трогательные и какие либоевые относятся к своему городу стихи он писал.

Конечно же, нам будет не хватать его мудрости, его взвешенности, и главное — его умения любить наш родной город, потому что он был истинным николаевцем. Я просто обращаюсь к вам, у него очень много сборников: придите и почитайте его стихи.

Тамара Бугаенко,
председатель областной
организации Союза женщин Украины.

Звертаючись до вас, дорогий Володимир Юрійович, хочу сказати наступне: я – один із тих, кто звав вас дуже-дуже давно. І не тільки тому, що ви разом проішли з моя батьком в «Ленінському племені», в одному кабінеті. Не тільки тому, що ви жили по сусіду. Квартира на вулиці Парковій я пам'ятаю з дитинства, і для мене вона завжди асоціювалася з чимось таким боєм, незабутним, спрвищим. За якесь проміжок часу всі перенішли від літературної клібіжки «Вечерки» — це велика біда, коли потім вимушений займатися заробком. Пoет Крем'ян зазивався все життя журналістикою, і вона його довела до хвороб, потім Пучков все своє життя замість того, що бути вільною, як Гомер, писав і читав свої тексти, теж мав займатися заробком. На жаль, така вона, додає поетів, і я думаю, що вона нескоріно зміниться. «Вечерний Николаев» обідавав за ці роки кілька поколінь міланівців. Згадуючи мені благодійний фонд «Міланів-2000», який, через видутість міського бюджету, через недостатність елементарного розуму у місцевих чиновників, робив, та був робить. По 50, по 100 презентацій книг на рік, відкриття нових імен, це енциклопедичні словники, ці співпраці з видавництвом «Возможности Киммерии», видавництвом ірини Гудим. Це те, що є пластиом. Цей пласте буде дорохувати, однакож займатися газетою, що шукати образи, інколи виходить на Кінбурн і робити фотографії з Крем'ям, обігається Миколаївські півострови. Здавалося б, що дуже давно — але це буде постійно разом із нами, коли будемо шукати ваші спогади. У наших справах, у вашому таланту, величині роботи, які тепер залишилися нам. Нам треба вистояти і вибороти своє право і за це місто, і за ту непрочитану вашу пірку, і за ті величезні скрібки, які ви дидакти, разом із батьком, в цю благодатну землю.

Тарас Крем'ян,
народний депутат України.

СПАСИБО ВАМ!

В чужом для себя городе Николаеве я счиствала вдруг и не по своей воле. На тот момент за коренным николаевцем я замужем была уже 15 лет, но николаевка не верила, что нежеланный для меня Переезд все же случится. Судьба, однако, распорядилась по-своему: я стала вдовою и вышла замуж за Владимира Юрьевича Пучкова. Он оставил мне яркое впечатление, каким он был: искренним, добродушным, внимательным. У Пучкова была уникальная способность сказать правду и не обидеть, слушать конкретно, найти компромисс.

Были все времена, когда приходилось разговаривать с шефом на повышенных тонах. Помнишь, в 90-е годы, когда газета выживала - без средств, запаса бумаги, когда мы

то, каким он был редактором, оценила толькo с годами. Тогда казалось — мягkim, расслабленным, интеллигентным. Теперь понимаю — он был уникальным руководителем. Он не «забивал» нас своими наставлениями и установками.

Но, несмотря на то, что мы были подругами, он

всегда старался быть честным, искренним, добродушным, внимательным. У Пучкова была уникальная способность сказать правду и не обидеть, слушать конкретно, найти компромисс.

Были все времена, когда приходилось разговаривать с шефом на повышенных тонах. Помнишь, в 90-е годы, когда газета выживала - без средств, запаса бумаги, когда мы

подлогу не получали и без того скучную зарплату, приносили в его кабинет и требовали, спорили... Уходили, хлопнув дверью — победители...

Теперь понимаю, что победителем был он — наш редактор! Во-первых, газеты выжили и колектив выстоял в те беспросветные годы — и зарплаты были, и тираж увеличивался. Вторых, он всякий раз преподносил нам уроки выдержки, истинной интеллигентности, честолюбия...

Я думаю, что каждый, кому довелось работать с сотрудниками, общаться с Владимиром Юрьевичем, «просит» его жизни именем установками.

Как-то во время презентации своей новой книги Пучков, подводя итог всем сказанным в его адрес словами, произнес:

Учитесь времія бістрокропив чайкою.

Судьба отпустить все мое руки...

Когда поїхав мій Владімир Чайка

Ісполниті песню на мою спіші...

Воксе городъ осталася без Чайки.

Теперь мы прощаемся с Пучковым... Но

всем и каждому он оставил бесценное наследство — свои стихи, где каждая строка — жизнь!

Ольга Кампильская.

мне встречались прекрасные и открытыми душой.

Но без «проколов» не обошлось. Один из таких случился с Пучковым. Это он сейчас обладает поистине великим званием «короля поэтов», а тогда откуда ж могла знать, что главный редактор «Вечерки», мой начальник, который сам называет «гагетчиком», - пишет стихи? Когда он это делал, в конце концов?

Газета, номер за номером... это ж ненасытная пропасть, которую темами, мыслами, строками надо «кормить» каждый день!

Уже не помнишь, в какой связи я приехал в Николаев, чтобы почитать памятник званию «короля поэтов», а тут откуда ж могла знать, что главный редактор «Вечерки», мой начальник, который сам называет «гагетчиком», - пишет стихи? Когда он это делал, в конце концов?

Газета, номер за номером... это ж ненасытная пропасть, которую темами, мыслами, строками надо «кормить» каждый день!

Япония, номер за номером... это же не смеется, что он написал и что еще напишет, но, может,

именно такая чуткость и такие слова способны примирить меня с чужим южным городом?

Спасибо!

Агата Исайкина.

ПЕРЕЖИВАНИЯ «ВЕЧЕРКИ» СТАЛИ И НАШИМИ

Чтожальная весть легла на наши плечи. Все, кто знал, любил и уважал нашего коллегу - главного редактора газеты «Вечерний Николаев», потрясена.

Сейчас это ощущение еще остается. Еще пару недель назад никто не предвещал беды. Мы

встретились в коридоре нашего общего для редакций подъезда, как обычно, перекинулись парой слов. Пучков спешил, ведь в редакционной линии писалася очередная номер газеты. Спешил, как всегда. Кто бы знал, что его стилем работы, тот знал, что он — классический трудоголик. Из тех, кто ничего не перекапывал и берет все на себя.

Однажды ветеран журналистики как-то сравнил процесс создания газеты с картины «Бурлаки на Волге». Так вот, Пучков был бы на ней в центре. Несмотря на возраст, он тянул свою ношу, направляясь к воротам, облегчая ее тем, что рядом. Его изненожение на несколько дней показалось легким и позитивным.

Всегда, вперед, впереди — это было кредо Владимира Пучкова.

Всегда, вперед, впереди — это было кредо Владимира Юрьевича.

Сейчас это ощущение не остается.

</div

«И ДРУЗЕЙ СОЗОВУ, НА ЛЮБОВЬ СВОЁ СЕРДЦЕ НАСТРОЮ...»

ЛИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МАСШТАБА

Можно ли драки вести в одну руку? Можно, если эта рука называется «Вечерний Николаев». Когда я браломик погонялся за драками, уходил из реалий в поисках лучшей жизни, не мог и представить, что пройдёт время, и судьба, совершив двадцатилетнюю поэтию, вернёт в место, откуда я начиня. Просто разделася звонок, и знакомый голос Владимира Юрьевича произнёс: «А не хочешь вернуться?»

Согласился сразу. Попросил неделю на размышление. Не та ли это рука, думал я, о которой говорят, что в ней драки не ведут? Сейчас, на четвертом году моего возвращения, понимаю: я сделал правильный выбор. И большая заслуга в этом редактора. Он дал мне свободу, возможность по-новому осмотреть себя и то, которым я занимаюсь. Работа в «Вечернем» меня убедила в том, что журналистика не должна быть оружием. Лекарством, слезоточивым ядом, источником радости, вдохновения, возможность выразить признательность человеку, но только не оружием.

Каждый из сотрудников редакции видел в нем что-то свое. Мне Владимир Юрьевич навсегда запомнился капитаном. Мурым, седым, благородным, с неизменной трубкой в руке. Жизненный опыт придал ему

личность исторического масштаба.

Игорь Данилов.

НА УРОВНЕ ЧУВСТВ

У каждой профессии – свой особый запах. И когда меня спрашивают, с тем читы ассоциируешь «газетную журналистику», на ум приходит не банально: «запах бумаги и печатной краски», а нечто другое, что от раннего детства отложилось на уровне чувств – не передаваемые ароматы свежемолотого кофе, крепких сигарет и хорошего парфюма.

Этот фантастический-терпкий аромат вспыхивал в нашей тихую квартиру на окраине Варваровки, когда в гости приезжал мамин старший брат и еще долго висел после его отъезда. Он вспыхивал в складе, когда в гости к городским родственникам ездили мы с дедом, и уходил только во время стирки под бабушкино недовольное бурчание: «Ну куда уж. Водорастворимое, а оно не растворяется!»

Спустя годы, окунувшись с головой в редакционную круговерть, я понял, что внезапные ее наезды в «родовое гнездо» – это неожиданное общение с «зареченской» родней, а бебеконечной газетной занятостью, работой, поточными линиями, с которыми я не сталкивался в жизни.

Когда я с интересом следил за участниками спектакля «Любовь и мир», я не знал, что увидел впервые в жизни.

Так было угадано судьбе, что с Владимиром Юрьевичем нас связывали не только отноше-

степенность, поэтический дар – мягкость и особое видение окружающего мира, журналистика – умение выразить мысль, сконцентрированное главное.

Он никогда не спешил. Так поступают самые опытные и мудрые капитаны. К чему личество, если можно нарываться на риф. Их в нашем газетном море с каждым годом становились все больше.

Его спутник – в создании того же неподражаемого редакционного стиля, который по праву славится «Вечерним». Мы были вместе в период радостей, и в лютую годину, устраивали незабываемые капустники, ездили по городу и делали газетные выпуски. Редактор хотел, чтобы каждая наша строка находила отзвук в сердце читателя, и он, искренне радовался, если это удавалось достичь.

Не согласен с теми, кто утверждает, что с уходом из жизни закончилась эпоха. Нет, это не так. Чисто – смыслы, меняющие друг друга эпохи. Нужны люди, которые соединяются. Благодаря им история продолжается, и поэтому таких людей называют историческими личностями. Таковы по праву являлись Владимир Юрьевич Пучков – человек глубоко душевного склада, отчаянный лырик и настоящий редактор.

Игорь Данилов.

Новый 2019 год
на редакционном «ранчо»

на городской телефон: «Смотрите меня у Эмиля тогда-то...» – и не надо было долго объяснять, что следующая передача «Кулинарный столик», которую ведет Эмиль Наварес, мы смотрим всей семьей, а дед – там еще и повторы пересматривал: и не дай Бог мешать, громко дразниться или лезть с какими-то своим детским глупостями...

В наше семье существовал еще один куин – «куquin» книга. Не в завернутой в жесткий цеппогран и намертво вкопченной в полки (знаял я и такие «собирателей» книжных коллекций), а культивацией, доступной в руки, книги. Это было то хобби, как сейчас выражают – «игровой», паттерн, передается устами. Владимир Юрьевич отца отца. Мне, тогда еще юноша пашни, казалось, что они соревнуются, у кого получилось достичь яичек покруче.

Библиотеки у обоях, и правда, были огромные. Это сейчас собрание любимых произведений умещается в какой-нибудь флашке, а их книжные коллекции занимали целые комнаты. Каждая встреча отца и сына, после традиционных поисков под большим столом, заканчивалась, в библиотеке. Я же с детским любопытством крутился под ногами, вспыхнувшись в странные фамилии: Цветкова, Пастернак, Гумилев, Ахматова... Они обогащали общение, что-то литературное, как бы обсуждали то, что напечатано в книге.

А еще любил большую домашнюю библиотеку была «Волонтина полька». Дед, с увлечением,

читал на поймисе сборники, начиная с «Азбуки музыки», и журналы типа «Роддат», «Юности», «Бичиана» – о первых публикациях, мыслих, о любви, романах, руках, любовных сказках, и толстые папки рукописей.

Вспомнилось, как однажды Владимир Юрьевич приехал к отцу. Долго о чём-то говорили, а засориравшись домой, он на прощание сказал что-то типа: «Не переживай. Пусть говорят, что хотят, а у меня все получится...»

Спустя годы, пересматривая эти карточки «кинохроники» воспоминаний вновь, понимаешь, что говорили они о работе в новой на то время газете – в «Вечернем».

Получилось. Он нам всем это доказал.

Александр Сайковский.

А еще в нашей большой домашней библиотеке была «Волонтина полька». Дед, с увлечением,

читал на поймисе сборники, начиная с «Азбуки музыки», и журналы типа «Роддат», «Юности», «Бичиана» – о первых публикациях, мыслих, о любви, романах, руках, любовных сказках, и толстые папки рукописей.

Вспомнилось, как однажды Владимир Юрьевич приехал к отцу. Долго о чём-то говорили, а засориравшись домой, он на прощание сказал что-то типа: «Не переживай. Пусть говорят, что хотят, а у меня все получится...»

Спустя годы, пересматривая эти карточки «кинохроники» воспоминаний вновь, понимаешь, что говорили они о работе в новой на то время газете – в «Вечернем».

Получилось. Он нам всем это доказал.

Александр Сайковский.

Шеф делает длинную паузу и как-будто перебирает все события, произошедшие с ним за последние времена, и уверено так отвечает:

– У меня все хорошо.

Я, довольная ответом (хотя знаю, что вопросы и дел у шефа просто уйма), ухожу в свой кабинет. Так частенько мы начинали свой рабочий день...

Немного позже, в один из моих днёвиков, Владимир Юрьевич написал: «Айра, твоя улыбка по утрам в редакции – один из самых крепких якорей, которые привязывают меня к активной жизни! С днем рождения! Все еще впереди!»

Как жаль, что теперь я не смогу услышать его «Доброе утро, Ирочка...»

Когда планировался номер, Владимир Юрьевич звал в свой кабинет, и мы обсуждали почти каждый материал. Он советовался с нами, а мы с ним: какие фотографии подобрать к статьям, где лучше расположить их, в какой последовательности...

Я часто задавала ему вопросы: какими были город, в его юности, как выглядели улицы в то или иное время, что за членами коллектива был на своих рабочих местах, когда в редакции кипят жизнь, по коридору цокают каблуки и шаркают каблуки. А на одном из воскресных празднований он как-то сказал, что каждого из нас узнает по походке, по звуку шагов. После этих слов, каждый раз задерживаясь, а точнее, серьезно озадачиваясь, я пыталась, словно на цыпочках, пробраться в свой кабинет. Я всегда знала, что шеф ждет меня, что ругать он не будет, что первым делом спросит, все ли в порядке и скажет, что я просто звонила, чтобы он не волновался. А я просто боялась перетвориться в его «Кандидатов».

«Городок» прославился Владимиром Пучковым, – ответил ей и удачился, увидев непонимание в ее глазах, и услышав вопрос: «А кто это?» И я удивилась. Казалось, нет, не Николаеве человек, который так или иначе не был бы знаком с Владимиром Юрьевичем: одним из них был известен как журналист и редактор городской газеты, другим – как экс-депутат городского совета, третьим – как «Король поэзии». Однако, как рассказать человеку, не знакомому с ним, о Личности такого масштаба, каким был наш шеф?

Ирина Голубченко.

Шеф делает длинную паузу и как-будто перебирает все события, произошедшие с ним за последние времена, и уверено так отвечает:

– У меня все хорошо.

Я, довольная ответом (хотя знаю, что вопросы и дел у шефа просто уйма), ухожу в свой кабинет. Так частенько мы начинали свой рабочий день...

Немного позже, в один из моих днёвиков, Владимир Юрьевич написал: «Айра, твоя улыбка по утрам в редакции – один из самых крепких якорей, которые привязывают меня к активной жизни! С днем рождения! Все еще впереди!»

Как жаль, что теперь я не смогу услышать его «Доброе утро, Ирочка...»

– У нас все хорошо, – слегка призадумавшись, отвечал шеф.

– А у Вас все хорошо, Владимир Юрьевич? – не отставал я.

– У нас все хорошо, – слегка призадумавшись, отвечал шеф.

– А у Вас все хорошо, Владимир Юрьевич?

– не отставал я.

Ирина Голубченко.

АТЛАНТ

Когда-то представлялось, что мир стоит на трех кулах, черепахах, слонах, что его держат атланты... Мир, человек, человечество нужна точка опоры. Фундамент. Но будет надежного фундамента, если не построить его на библейском доме, построенным на песке. Возможно, чувство, что мир постепенно тягнеточки опоры, возникает у многих. У автора этих строк она появляется постоянно, после каждой плохой новости, утраты. Нашему городу тоже нужны точки опоры. Конечно, имею в виду поддерживать культуру, закон, экономику,правду, мораль... Но каждый сможет и соглашаться стать таким столпом. Наличие только способностей и таланта не всегда

трепетно опирает эти, с первого взгляда почти

не осознаваемые, сфере культуры, правды и морали... «Больше видится на расстоянии», – сказал поэт. Масштабы становятся виднее, когда отдаешься им сама. Установка на то, чтобы не забывать о том, что изменилось в мире. Разве есть исключение из этого правила. Когда читает стихи Пучкова. Открытыми глазами. Сразу становится все ясно, без какого-либо шага назад. Поэт. Личность. Чувствительность. Искатель и создатель с мыслью.

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

Владимир Юрьевич имел еще одно замечательное качество. Он любил людей. И многое, что он делал, основано на этом. Сколько интересных и познавательных встреч и литераторов, журналистов, и даже политиков он знал лично!

Владимир Юрьевич имел еще одну любовь – любовь к книге. И многое из того, что он знал лично, было открыто. И никаких часов приема, заседаний, конференций, встреч и т.д. Дело в том, что в национальной библиотеке всегда было много интересных и познавательных встреч и литераторов, журналистов, и даже политиков.

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

А как человек и шеф Владимир Юрьевич был просто подарок. Ценил юмор и сам его источник. Для невозможности тактического языка и языка дипломатии. Сразу же отреагировал на поэзию. Тогда поэт открыл для меня глаза на то, что имелся в редакции самый первый и зачастую поэтический поэт. Плюсично реформировать производственный процесс. И не раз. Он рассмеялся первым «Дриппиншеским советам» для газеты «Малея», а потом настойчиво издавал «Дриппинши».

Телеграфные строчки траура...

Виктория Тонковид:

У меня пока нет слов – они исчезли, пропали, умерли. Спасибо, Владимир Юрьевич, за возможность работать вместе с Вами в "Вечерке". За возможность экспериментировать и развиваться. За удивительное душевное атмосферу в коллективе. За замечательных лет жизни.

Оксана Тихончук:

Мы проработали с Пучковым вместе 25 лет: 5 – в "Южной правде" и 20 – в "Вечерке". Сейчас (видимо, эта защитная реакция) память вырасывает на поверхность какие-то добрые и смешные эпизоды. И это хорошо. Хотя, конечно, смешно было не всегда, считая сложность прошедших 25 лет. Он был (и остается) хорошим поэтом – попадал в оттенки чувств, которые сложно передать словами, а у него для этого слова было. И не только слова, магия звуков и образов, очень местная, морская и степная, всегда завораживала своей пронзительностью и проникновенностью. Когда-то Юрий Деничек, с которым мы тоже вместе работали, цитировал: "Ивода – золотая заварка Заваровской!". А еще он хорошо пел, Ката играла на гитаре, в "Вечерке" песянки посыпались вообще были доброй традицией... Как много теперь не будет. Никогда.

Елизавета Безуходо:

Как же больно это писать! Столько еще всего хотела у Вас спросить, с отчаем поговорить... В 5-м классе, когда я в составе кружка "Юные журналисты" впервые пришла на экскурсию в редакцию "Вечернего Николаева", я тут же поняла, что мечтаю здесь работать. Затем дыхание, я слушала, как Вы рассказывали об истории газеты, шутили, любяглядываясь в наши восторженные детские лица. Я вдыхала сладкий аромат табачного дыма, наполнявший кабинет, и наблюдала, как Вы одновременно отвечаете на телефонные звонки, утверждаете макет следующего номера и держите в голове еще сотни других дел, не забывая ни об одном редакционном задании и ни об одной просьбе или письме читателя. Спустя годы я была неимоверно счастлива

из неопубликованного

НА ЯКІЙ МИ МОВІ МОВЧИМО?

Это интервью, записанное в непростом 2014-м, не было опубликовано. Меня и моего собеседника редактор отдела моей газеты обвинила во всех смертных грехах, главный из которых – сепаратизм. Обвиняйте меня и сейчас. А Пучкова – нет.

Журналист Елена Ивашко.

Альтернативу мовному протистоянню в Україні чотири роки тому запропонували два різномовних міколяївських поети.

Один з численних «титулів» міколяївського поета Володимира Пучкова – «король поезії». Втім, знаючи його в Україні та за кордоном не лише за титулами та званнями. Пучков відомий тим, що він справжній, в класичному розумінні, поет і справжній громадянин. Насправді, він стояє на Майдані та не брав до рук зброя. Патріотизм поета в іншому – його зброя було і залишається слово, що народується з сообістю почуттів та перевіркань, осмислення та пересмислення буття, причності до своєї землі, яка надихає. Про це та різні – наша розмова з поетом і громадянином.

– **Юрійович, Ви пишете вірші російською мовою, все життя живите в Україні, в Миколаєві. Для Вас особисто є важливим питання національності, мови? І взагалі, Ви вважаєте себе росіянином чи українцем?**

– Питання походження складне. Мама моя – українка, а батько родом з російською глибиною. Насправді, я людина себе ідентифікує? Напевно, по мові. По мові, якою мислю. Тож я, коли отримував паспорт, ідентифікував себе як росіянин. Втім ніколи в житті не виникало проблем з приводом національності. Україна така велика і така різноманітна, що у кожного регіону є своя особливість, звички, традиції. А я жив і живу в Миколаєві. Він – моя Україна. І дуже комфортно себе почувати зі своїм місцем, зі своїм умінням розмовляти російською та українською. Доводилося працювати, в основному, в рес. Різномовні. Природно, сам писав українською і вільно розмовляв. Є люди, з якими я взагалі розмовляв виключно українською мовою. Наприклад, Дмитро Кримен.

– Чотири роки тому Віз з Дмитром Дмитровичем Крименем випустили, вважаю, унікальну збірку власними перекладами "Два береги". Унікальна в літературному та суспільному значенні. Адже ви спромоглися довести суспільство, що настінання на "мовні" клавіші, намагання зіштовхнути людей, використовуючи мовне питання, не є виходом для України. Як народилася ідея видання книжки? Чи стала вона суспільно-розважальною?

– Ідея цієї книжки народилася тоді, коли вже

нагромадилася критична маса матеріалу. Ми

заснували

засновником

Интервью Владимира Пучкова
Татьяне Монаховой
в программе «Инициалы».
Телеканал «Март», 16 марта 2019 года

— В нашей профессии, может, как в спорте — свой профессионализм нужно постоянно подтверждать. Спортсмены должны свои рекорды подтверждать и не сходить с дистанции — так и у нас. Поэтому все эти «за-служенные»... Да, я давно работал в профессии — с 1976 года. Это мое членство с Союзом журналистов и профессиональная работа в газете, причем молодежной газете, николаевской. Позже можно оплынувшись и сравнивать. Сегодня все изменения, которые все эти годы происходили, пошли совершенно стремительно. Когда я начинал работать в «Вечернем Николаеве», я уже имел представление о компьютере. До этого я работал в «Южной правде» замом редактора, у меня был компьютер уже пару лет: он использовался, конечно, как пишущая машинка, но и не никонеко — как инструмент для получения электронной почты. Тогда еще не было интернета, тогда в Николаеве еще не было провайдеров, тогда для того, чтобы получить сообщение разъемом где-то в 2-3 страничках, нужно было проделывать такие манипуляции... Нас обслуживала фирма из города Керчь в Крыму — они нам предложили продавать информацию, которая в то время была как-бы экзотической: это были расшифровки «вражеских» голосов. Ну, годы перестроики, и уже можно было в газете видеть: «Вечерний голос Америки» сообщил...». Так вот, для того, чтобы это все проделывать, они дали такую штуку, называвшуюся она модем — и когда нужно было получить очередную порцию информации, я ему звонил в Керчи по «межгороду». «Так, ребята, это «Южная правда», готовы? Давайте установим параметры...». И устанавливали на этом компьютере параметры в этой программе — а это еще не «Windows» было...

— Че який рік?

— Это где-то 1992. Скорост та姆 — «ху что, начали?» — «Начали!» — и вот по телефонной линии все это медленно-медленно идет идет... Для того, чтобы это получить, надо было минут 20, иногда линии были перегружены, не получалось... «Давайте скорость уменьшим» и переставляем параметры... Смешно сегодня об этом говорить.

Первое, что было, когда я перешел в газету — я это

очень хорошо запомнил — еще когда предложили переходить, первое, о чем я подумал: «Подожди, как же я туда пойду — там же компьютера нет?». К этой штуке быстрая привыкость. Но у них оказался компьютер, к которому никто не знал вообще, как подходит. Тогда были времена этих бартеров, и вот за рекламу кто-то расплатился компьютером — он стоял в ящике, я его вытащил, поставил на стол и говорю: «Все, ребята, мы теперь будем» — а они на меня: «Новая метла пришла — метет, с жире бесится, компьютер какой-то».

— Можна, я тут зазначаю, что Миколаїв в українській медіа-галузі — ми про це мало можемо, але перший комерційний телеканал у Радянському Союзі — «Тоніс» з'явився у нас.

— Да, Николаев был самым телевизионным городом. Я прекрасно помню то время.

— Тобто ми задніх не пасли.

— Нет, конечно. У нас были очень мощные журналисты на то время, которые легко осваивали новое. Это был Валерий Громсан, который несколько лет назад умер: он уехал в Киев — великолепный журналист и организатор одного из первых каналов. Это был канал «Зеркало», и из него потом родился канал «Николаев».

Были и другие, был канал «СТБ» — там тоже были не-заурядные люди, у которых была какая-то предпринимательская жилка, и в то же время они понимали... Но давайте вернемся вот к теме

— все это быстро развилось, с ускорением. Но сегодня мы видим, что нашего телевидения нет практически — оно развивается. Областного телевидения нет — у нас там идут реформы какие-то, но довольно мощная радиация, в общем-то — приказали долги жить. Да осталась телеканал «Март», осталась телеканал «МТВ» — они тоже претерпевают какие-то изменения, что в общем долгое удовольствие. Что касается газет — они мне блаже. Конечно, газеты подверглись очень сильным изменениям: на них очень сильно надавили интернет. Я думаю, что на нас это отразилось сильно и больше, чем на телевидении. Телевизоры все-таки смотрят, телевизоры стоят в каждом доме, и каждая бабушка смотрит телевизор. С газетами склоннее, потому что газеты с каждым годом становятся все более дорогим удовольствием. Я не буду приводить цифры, но за последние, скажем, года три, цена газетной бумаги подскочила раза в два — а она и до того была сопливая. То есть сегодня цена бумаги — это порядка 1000\$.

— На скільки такого обслугу вистачає?

— Это зависит от тиража, конечно — но сегодня приходится задумываться — а какова ли иметь большой тираж? Потому что нужна очень много бумаги. Все остальное дороже тоже — электроэнергия, к примеру. Речь не идет о расходах наших, редакционных — компьютеры «кусаются» мало, но типография «съедает» мно-

го. Поэтому типографские расходы тоже растут. И может, не все знают об этом — но в Украине нет собственного производства газетной бумаги.

— Жак же так?

— Нема. А було, между прочим. Был такой комбинат во Львовской области в городе Жидачев, который не очень хорошо, но производил газетную бумагу. Конечно, он не мог обеспечить всю Украину, но какую-то часть он давал. Сегодня и его нет — он производит я не знаю что — то ли картон, то ли туалетную бумагу, то ли еще что-то, салфетки там какие-то — но на газетную бумагу. Газетная бумага — импортная полностью, и мы можем купить ее из России. Конечно, газеты подверглись очень сильным изменениям: на них очень сильно надавили интернет. Я думаю, что на нас это отразилось сильно и больше, чем на телевидении. Телевизоры все-таки смотрят, телевизоры стоят в каждом доме, и каждая бабушка смотрит телевизор. С газетами склоннее, потому что газеты с каждым годом становятся все более дорогим удовольствием. Я не буду приводить цифры, но за последние, скажем, года три, цена газетной бумаги подскочила раза в два — а она и до того была сопливая. То есть сегодня цена бумаги — это порядка 1000\$.

— Тобто політика не втрапилася і ні змінила цей момент?

— Мы можем сегодня покупать бумагу, где угодно, мы можем покупать ее в Турции, в Польше, в Финляндии — прекрасная финская бумага, в Аргентине, в конце концов, но цена этой бумаги... Остается российская. А сегодня, в нынешних условиях, в условиях конфликта этого военного — это стратегический товар в общем. Я не знаю, о чём думают наши «можновладцы», может, они не задумываются об этом, может быть, время не пришло еще — не до того им, но

типовага... В любой момент чисто административно эти границы можно перекрыть — и бумаги нет. Вот это проблема — из-за этого газеты страдают. Появился интернет — я знаю, что это такое. Дело в том, что в свое время «Вечерку» стали делать на новых технологиях: офсетная печать, компьютерная верстка и так далее — мы испытывали этот путь немножко, тропинкой. Дело в том, что мы выпускали газету такую детскую, она называлась «Малек». Выпускали ее на протяжении где-то десяти лет, как приложение к «Вечернему Николаеву». Кстати, я знаю ребят, которые напечатали свои первые заметки там — а потом пошли в эту профессию. У меня перед глазами пример: моя дочь, которая начинала юркором «Мальчик», а потом стала киевским институтом журналистики и теперь благополучно воспитывается моих внучек — она остается в профессии. Есть и другие ребята. Мы тогда «Малек» делали по этой технологии, когда все другие газеты еще печатали по старому — и «Малек» стал у нас первой газетой, которой попала в интернет. Был сделан такой прокруточный выпуск — это было экзотично по тем временам совсем, но мы это сделали с ребятами нашими, провайдерами. Такие заведомые работы были. Получились интересно, это, конечно, было проделано, чтобы есть мы это делали. Потом, когда наша типография областная — это не помеха год — перешла на эту технологию —

нам было легче, конечно.

— А зацикленість читачів — є попит на пресу? Не на новині в інтернеті, не на стрічку у Фейсбуці? Можливо, люди втомилися від дезінформації і хотіть фактів, перевіреніх, якось журналістською роботою, за стандартими журналистичними?

— Вы употребили слово «дезінформація». Мы, конечно, ориентируемся на читателя, мы всегда об этом думали, и я считаю, что журналист должен представлять своего читателя. Он к кому-то должен обращаться — это, как выступление в аудитории. Ты выходим, ищаешь умные глаза людей, которых тебе внимательно слушают и обращаясь к этим умным глазам. Мы эти умные глаза тоже представляем себе и время от времени с помощью наших союзников николаевских проводим опросы и выясняем для себя эту картину, портрет нашего подписанта, нашего читателя. Он меняется, и очень сильно, очень быстро в последние времена.

— Розкажіть, як?

ОБЪЯВЛЕНИЯОБЪЯВЛЕНИЯ**

Шановні міколаївці!

Нагадуємо, що структурним підрозділом Департаменту праці та соціального захисту населення Миколаївської міської ради проводяться щомісячні телефонні «гучні лінії» з актуальними питаннями соціального захисту громадян.

Телефонні: 08.08.2019:
 — з різноманітних питань, пов'язаних з виплатою заробітної плати, охорони та умов праці; зайнятості населення та інших

(тел.47-69-33, 47-59-34, 48-72-31);

— призначення громадянської субсидії на оплату житлово-комунальних послуг (тел. 34-31-69, 58-61-16, 60-04-84, 47-42-42);

— прийом одніюків громадян похилого віку та осіб з інвалідністю до відділення міського територіального центру (тел.34-01-54, 41-61-52, 47-59-81, 21-71-35, 64-60-27, 47-76-78);

— допомога безdomним громадянам в оформленні документів (тел. 56-11-08);

— умов застежування та правила прийому дітей з особливими потребами до міського центру комплексної реабілітації дітей з інвалідністю (47-59-35).

Дзвонити за запропонованими телефонами з 10.00 до 11.00.

Департамент праці та соціального захисту населення Миколаївської міської ради.

До уваги громадян пільгових категорій!

З метою реалізації з 01.10.2019 Порядку надання пільг на оплату житлово-комунальних послуг у грошові формі, затвердженого постановою Кабінету Міністрів України від 02.03.2011 № 178, визначені механизми сплати единого внеску на загальнобов'язкове державне соціальне страхування за діяки категорії застрахованих осіб, зокрема для непрацюючих працездатних осіб, які здійснюють догляд за особою похилого віку, яка, згідно з висновком медичного закладу, потребує постійного сторіннього догляду.

Таким чином, одержувачам вищевказаної компенсації відразу після сплати на загальнобов'язкове державне соціальне страхування проводиться виключно для непрацюючих працездатних осіб, які надають соціальні послуги особам похилого віку та особам з інвалідністю групи або особою похилого віку, яка, згідно з висновком медичного закладу, потребує постійного сторіннього догляду.

Для поновлення даної інформації з 20.08.2019 необхідно звернутися з документами до районних управлінь соціальних виплат і компенсації за адресами:

— Заводський район — вул. Морєвідна, 9/2; т.34-60-28
 — Інгульський район — вул. Миколаївська, 26/6; т.58-61-17
 — Корабельний район — вул. Новобудівна, 1/1; т.160-09-05
 — Центральний район — вул. Декабристів, 25. т.47-79-05

Департамент праці та соціального захисту населення Миколаївської міської ради.

29 липня на 48-му році піша з життя доктор філософії в галузі гуманітарних наук, старший викладач кафедри музичного мистецтва

Хайрулліна Юлія Олександровна.

Вона була автором 4 посібників, з однією з монографій, мала понад 30 статей у фахових українських та зарубіжних виданнях.

Юлія Олександровна завдячує виваженню активної життєві поезії, виховувала у студентів повагу до процесу здобуття знань та наукового пошуку, була високопрофесійною лідією, її життєві шляхи є прикладом самовідданого служіння науці.

Співробітництво та стажування в Миколаївського національного університету імені В.О.Сухомлинського щиро співчують рідним та близьким померлої.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Сільяна пам'ять про Юлію Олександровну залишиться у ті колег та друзів.

Ретро-страница

ПРИГЛАШАЕМ В 2010 ГОД

В «Вечернем Николаеве» практически с первых дней существования газеты родилась традиция издавать для коллег-юбиляров внутрисемейные «капустные» газетки, где собираются по перу, а также все желающие друзья-горожане дарят виновнику торжества свои поздравления. Мы решили обратиться к одной из таких, лежащих в архиве «Вечерки», газеток. В ней – не парадные фразы, а – как на ладони – искренняя любовь и уважение николаевцев к нашему редактору. Благодаря совместному творчеству и энтузиазму журналистско-поэтической братии, в «специвыпуске», изданном в 2010 году - к 60-летнему юбилею Владимира Пучкова, получился выразительный и красноречивый его портрет.

От Дома Бахтовых

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН ПОЭТ,
ИЛИ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В КАМЫШОВУЮ ХИЖИНУ

Квартирные выставки (Андрей Антонюк пытался привить эту традицию в Николаеве и однажды устроил выставку своих акварелей в нашем подвале-мастерской), философические вечера на кухне (у Лени Беклакона, Эммы Иванарева, Юры Скибы, Валерия Громсана), пикники на дачах и самоуслытие в мастерских художников (как непременное свидетельство непривычного таланта) – таковы приметы романтического андеграунда 70-х... того самого микросоциального культурного сплоя на силосной яме подгнивающего изнутри коммунизма с его КГБистской заботой о культуре. Из этого культурного слова и выросло свободное поколение, о котором не заботится никто.

Эта последняя волна «оттепели» слегка омыла нас, но не увлекла обратно в пучины моря. Скорее, стала полусладким глотком свободы, и мы совершили бестью на свой Тант – Кинбурскую косу, где и построили Камышовую хижину. Там мы и прошли мифопоэтический период своего творчества.

Порт от этой хижины однажды перешагнул нынешний Король Поэтов, известный нам в то время больше как журналист. Вечерние чайки, прогулки по отелям косы, бакендерские сети, нороды «постом», на блондине процесса создания офорта и прочие банальности времязаведения отдающихслица стади уединительно плодотворной работой обновленного Поэта. Родились строки «на стыке моря и памяти»... «тутое туловко косы»... «игра илы и скользкой гади»... «я куплю камышовую хижину» и т.д.

И стала понятна разница между пурпуром и синяркой винтовкой. Журналистам к лицу менять первые оружия на второе, тогда из них рождаются поэты.

Владимир Пучков (фрагменты стиха).

Владимиру Юрьевичу Пучкову – шестьдесят. Не думаю, что эта новость кого-то удивит. Пытаясь, подобно Марселя Пруста, бродить закоулками памяти в поисках утраченного времени – по направлению к Пучкову, я повсюду обнаруживаю Владимира Юрьевича, в общем-то, пожилым, очень солидным человеком, который не позволяет себе ни лишнего жеста, ни лишнего слова. Ну, разве что в совсем уж экстремальных ситуациях, которые (увы!) бывают с нами, и даже с Владимиром Юрьевичем, в шестидесятых годах минувшего столетия...

Вот он идет солидной неспешной проходкой по обетвленным академическим коридорам филфака педуниверситета, мимо развесанных портретов классиков великой русской литературы. И нам, первокурсникам, шепнуто: это поэт Владимир Пучков. Вот стоит на факультетском крыльце, курит и чешет спортив с Сашей Приходько. Приходько при этом горячится, что-то доказывает, Пучков остается невозмутимым.

А вот аудитория в новом корпусе. Выступает Владимир Пучков с научным докладом. Что-то о философских аспектах романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Чертовски (в

«Вечерней Николаеве» Учрежден и изданы ООО «Редакция газеты «Вечерний Николаев»

Газета издается с сентября 1990 года. Выходит два раза в неделю на русском и украинском языках. Регистрационное свидетельство МК №1100-597/РГ Главного территориального управления юстиции в Николаевской области от 08.07.17. Номер телефона в составе концентрического центра редакции «Вечерний Николаев» ©

Индекс издания 30144. Номер отпечатан в Николаевской областной типографии (ул. Гонгадзе, 3). Объем: 3 усл.печ. листа. Заказ №961 Тираж 5257 экз. Общий тираж за неделю 9800. Номер подписан в печать 01.07.19. Реклама - не более 20%.

Точка зрения авторов может не совпадать с позицией редакции.

Прием заявок на публикации в газете. Перепечатка только со ссылкой на газету "Вечерний Николаев", © материалы на правах реклами.

Адрес редакции: г. Николаев, ул. Адмиральская, 20; 2-я этаж. Телефон: +380-51-500-00-00. Телеграммы и объявления: 37-08-40; телефон: 37-09-78. E-mail: vechernik@krr.net WEB: www.vn.mk.ua

Группа выпускника: А. Троекин, Г. Голубченко; корректор: Н. Пономарева. Редакция газеты несет ответственность за содержание рекламы.

Главный редактор

Владимир Пучков

Романдало, зажуськаю, кончено,

но вони можуть бути і я

загрожувати помічними чи погано

ї недобрий ганчір бити.

А мені, як скрижальній перст

пройде вічній – старий

манжіт руками –

із чистої, чесної, чистої...

Золота труба позала по троєвій місці.

Если я убезу – ты не плачь, дорогая, не злись

И тепло моих рук на чужое тепло не меня.

Это значит – остался на ветке несорванный лист.

Золотая труба позала по троєвій місці.

Если я убезу – не зови и покоя не жди,

Убезаючи рельсами тихохилько рукою маша.

Если я убезу – это значит: дожди и дожди,

И дорожная пыль под колеса ревущих машин.

Это значит – бессонницы, плясостивий дим сигарет.

Будто перед зорозі собирається в горле комок.

Если я не вернусь, это значит: меня уже нет.

Ты закроешь глаза. Ты поймеш! Я иначе не мог.

1966 год.

Целую.

Твоя Голубкова.

О, повелитель миров величумный Владимир!

Ты, коронованный ныне Король средь поэтов!

Ты издавалася в «Карнавале» или в «Гудьми».

И – как сквозь сито – сквозь сети прошел Интернета!

Славясь же мощью своей поэтической речи!

Тем, что газету к себе приковал, как подкову,

тем, что взвалил эту нощу на хрупкие плечи...

Славясь, мой милый!

О, коронованый Владимир!

Ты, коронованный ныне Король средь поэтов!

Ты, коронованный ныне Король средь поэтов!